

ЧТО ТАКОЕ ЗНАК

СЕМИОТИКА И СЕМИОЛОГИЯ

«Курс общей лингвистики» Соссюра и основной корпус произведений Пирса — тексты похожей судьбы: как первый, так и второй доступны исследователям лишь в качестве компиляций. Однако если для семиологии это весьма удачный факт, то в случае семиотики ситуацию, напротив, иначе как полной катастрофой не назовешь. «Курс» представляет собой продуманную совокупность сведенных друг с другом заметок студентов, посещавших лекции. Сочинения Пирса, часть которых была издана при его жизни, сначала были проданы кафедре философии Гарвардского университета, руководство которого как раз и было причиной большинства проблем, преследовавших Пирса в его академических начинаниях. Первая попытка издания работ Пирса состоялась в организации рукописей по тематическому критерию. А это неизбежно означало, что основным принципом отбора служила лишь фантазия людей, поначалу не имевших никакого представления о целях, объединяющих большую часть находившихся в их распоряжении разрозненных листков бумаги. Продуктом этой фантазии стало продолжавшееся с 1931 по 1958 год гарвардское издание «Collected Papers of Charles Sanders Peirce». Ситуация начала исправляться лишь с выходом первых томов хронологического издания под общей редакцией сначала Макса Фиша, а впоследствии — Нэйтана Хаузера.

Еще одним моментом, о котором следует упомянуть, прежде чем идти дальше, является необходимость учитывать различие контекстов, в которых получили свое развитие семиотика и семиология. Это нужно не столько для того, чтобы понять исторические условия возникновения обеих теорий, сколько для того, чтобы убедиться, что лишь одна из них вполне соответствовала таковым.

Соссюр был человеком своего времени, и его теория получила развитие в рамках, с одной стороны, ассоциативистской психологии, а с другой — социологии дюркгеймовского образца, которая вошла в моду как раз ближе к концу XIX века. Сами по себе знаки языка — это психологические единства, но связи, в которых они обретают свою значимость и начинают действительно конвертировать акустическую данность в смысл, это уже факты социальной жизни.¹ Поэтому лингвистическая теория Соссюра — это как бы две разные теории, каждая со своим основанием и по каким-то причинам сведенные в одну. Отсюда же классический набор дуализмов вроде разделения на язык (*langue*) и речь (*parole*). Но каким образом при этом индивид справляется со своей задачей как автор речи, с одной стороны, и как пользователь языка — с другой, остается непонятным, да Соссюр, по-видимому, и не ставил перед собой задачи это объяснить.

В соответствии с концепцией Соссюра условием возможности коммуникации выступает идеальная и недоступная для прямого наблюдения система знаков, которую он и называет «языком». Знак, как следует из данного им определения, представляет собой условную единицу, системообразующий сегмент, соединяющий «план смутных понятий» и «неопределенный план звучаний».² В точном смысле наличие этого сегмента дает о себе знать нигде более, как только в нашей способности различать отдельные понятия (означаемые) и ассоциативно связанные с ними акустические образы (означающие). Знак является посредником между первыми и вторыми: с одной стороны, он учреждает между ними лишнюю какой бы то ни было мотивации внутреннюю ассоциативную связь, а с другой — устанавливает внешнюю систему различий между скрепленными ассоциацией целыми элементами. Та-

¹ Deledalle G. Charles S. Peirce's Philosophy of Signs: Essays in Comparative Semiotics. Bloomington, 2000. P. 101.

² См.: Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. Екатеринбург, 1999. Ч. 1. Гл. 4.

кая структура позволяет Соссюру заключить, что язык невозможно свести к простому перечню строго фиксированных названий. Изначальной данностью структуры, о которой пользователь, естественно, не имеет ни малейшего представления, является аморфная и двойственная (смутные понятия/неопределенные звучания) психическая материя, которая посредством двух перечисленных выше взаимосвязанных операций — внутренней ассоциации и внешнего различения — трансформируется в совокупность знаков. Эта трансформация создает «область членораздельности»,³ которая характеризуется одним важным свойством, а именно: языковые единицы, составляющие данную область, как раз в силу взаимосвязанности указанных операций оказываются таковы, что

...отличительные свойства <каждой> единицы сливаются с самой единицей,

откуда следует, что

...в языке, как и во всякой семиологической системе, то, что отличает один знак от других, и есть все то, что его составляет. Различие создает отличительное свойство, оно же создает значимость и единицу.⁴

Это наиболее часто цитируемое положение соссюровской семиологии следует понимать так: знак действительно *есть* нечто, учреждающее язык как систему, но при этом существо знака — само учреждающее действие — не может быть адекватно описано. Подобно тому как в кантовской критической философии трансцендентальный синтез просто постулируется, в соссюровском «Курсе» язык представляет собой уже абсолютно готовую структуру, конститутивный закон которой принципиально не дается как «практический смысл». Влияет ли использование языка, речь, — действие, совершаемое во времени, — на язык как систему, принципиально не включающую *длительность* в число своих характеристик? И если да, то как, а если нет, то почему?

³ Там же. С. 113.

⁴ Там же. С. 121.

Учитывая сказанное выше, можно предположить, что знак у Соссюра, так же как и у Пирса («Новый список» и «Закрепление убеждения»), есть элемент синтеза, т. е. подступ к многообразию чувственного. Однако семиотика Пирса носит более радикальный характер. У него этот подступ может быть описан как некий живой механизм, доступный для наблюдения в большинстве деталей, в то время как у Соссюра он представляется «таинственным явлением», так что нам остается лишь описывать и классифицировать события, являющиеся результатами его действия, в которых мы всегда сталкиваемся с фактом уже «готового языка». Здесь, с точки зрения семиотики, — несмотря на то, что основной интенцией «Курса» является лишь точное определение языка в качестве объекта исследования, — впервые и проявляет себя некоторая прочно закрепившаяся в философии необязательность в отношении употребления термина «язык». Или, скорее, в данном пункте возникает возможность для необязательности, представляющей опасность лишь для философии, поскольку часто забывают, что предметом «Курса» является главным образом и прежде всего лингвистика.

Соссюр настаивает на том, что означающее произвольно или не мотивировано по отношению к означаемому,⁵ т. е. что между ними отсутствует какая-либо естественная связь, намеренно оставляющая ассоциацию «пустой». Пирс утверждает обратное: он вводит понятие качественного основания знака, т. е. «наполняет» ассоциативную связь.

По Соссюру, именно отсутствие внутренней мотивации означающего обуславливает тот факт, что знаковая система может быть создана только социальной жизнью. Мотивация приходит извне — не при связи понятия и акустического образа, а при взаимосвязи связую-

⁵ О необходимости понимания произвольности именно как отсутствия мотивации см. указанную работу Соссюра (Ч. I. Гл. 1. § 2). Вместе с тем в других разделах «Курса» Соссюр говорит о том, что существуют разные степени произвольности, т. е. что большинство знаков все же некоторым образом внутренне мотивированы. Однако наличие этой мотивации объясняется только конкретной естественно-языковой привычкой. При этом абсолютная произвольность остается единственным правильным условием существования лингвистического знака. Непременное свойство системы, которое является непосредственным следствием декартовского сомнения, — так называемый репрезентационалистский скептицизм, в соответствии с которым представления не имеют необходимой связи с представляемыми вещами.

щих их отношений (или знаков), что в конечном счете как раз и позволяет ему говорить о знаке как о различии. Проблема двойственного временного характера языкового знака⁶ и желание избежать «номенклатурного» понимания самого термина «язык» вынуждают Соссюра ввести дополнительную теоретическую конструкцию; она нужна ему для показа различия между формальным значением знака (определяемым связью между понятием и акустическим образом, т. е. внутренней связью между означаемым и означающим) и значимостью знака (определяемой внешней связью между «целыми» знаками). Именно в этом смысле собственно язык предстает как система значимостей (*valeurs*), а не значений.

Пирс поступает по-другому. Прагматизм и семиотика не отделяют вопрос о том, как мы обретаем знание (и откуда нам известно, что наше знание о мире является правильным), от вопроса о том, каковы практические следствия этого обретения. Другими словами, убеждение как теоретическая единица, интерпретирующая соссюрский знак, есть не что иное, как подсчет всех возможных результатов будущих действий, т. е. «конъюнктивный» акт, направляющий мышление на поступок. Вместе с тем социальное происхождение естественного языка Пирс объясняет именно наличием внутренней мотивации. Говоря иначе, он утверждает, что внутреннее сходство между знаком и его объектом имеет реальное основание. Наличие у сходства реального основания означает, что оно создает определенную, общую для всего языкового сообщества, или по крайней мере для большинства его членов, топографию, внутри которой имеют место точки полного совпадения знака и объекта, т. е. что определенные области имеют экзистенциальную значимость для какой-то части или всех участников коммуникации.

Во-первых, это означает: проанализировав значение в терминах привычки, мы можем сказать, что в понятии «привычного использования» объект и знак на определенном уровне анализа становятся неразличимы. Проблема же состоит в том, чтобы попытаться — как это, на наш взгляд, делает Пирс — представить себе это совпадение как отдельную категорию: знак и объект, как показывает «Новый список», всегда имеют общее *основание*. За исключением этого «эссенциалистского

⁶ См.: Соссюр Ф. Указ. соч. Ч. 2. Гл. 3.

следа», все, что было сказано в XX веке о «значении как употреблении» и различии между «знанием что» и «знанием как», всего лишь длинное послесловие к Пирсу.

Во-вторых, это означает: принимая участие в разговоре о чем угодно — будь то политика, социология, антропология или погода, мы должны хотя бы минимально понимать, о чем идет речь. Безусловно, нужно признать, что существуют довольно ощутимые проблемы с определением этого минимума. Ведь участвующий в разговоре может заниматься чистой симуляцией, т. е. использовать исключительно лишь систему, в терминах Соссюра — эксплуатировать только *langue*, не прибегая к *parole*: такую возможность, на наш взгляд, семиология не учитывает. Ведь если мы говорим не просто о способности к испусканию звуков или даже к произнесению связанных друг с другом слов, а именно об индивидуальном акте речи, то пользователь вполне может задействовать язык только как совокупность социальных навыков. По Соссюру, человек, отсутствующий в мире как личность, уже структурно включен в этот мир и может совершать в нем большое количество действий. Он всегда, так сказать, интенционально полноценен, прежде чем хоть как-то осмыслен.

В-третьих, нельзя забывать и о том, что «привычность» применительно к «использованию» — определение, избыточное уже чисто этимологически. Подобно случаю Пирса, я могу быть убежден лишь в том, что считаю истинным; в случае Соссюра я использую только то, что имеет для меня силу привычки. Но если прагматизм все же дает мне возможность в какой-то момент отличить мое убеждение от истинного положения дел и воспользоваться одним из методов «закрепления убеждения», то семиология не предоставляет мне никакого критического механизма для того, чтобы я мог обнаружить себя в мире как личность, способную к совершению индивидуальных поступков. Мне, конечно, ничто не мешает быть таковой, но, рассуждая строго семиологически, это, в общем, совершенно не важно. Отсутствие мотивационной связи между означающим и означаемым быстро приводит к тому, что критическому анализу оказываются доступны только два строго разведенных друг от друга типа высказываний: осмысленные и социально значимые.

Возвращаясь к семиотическому объяснению проблемы мотивации, следует отметить, что предлагаемая прагматизмом «внутренняя уве-

ренность» (т. е. связь между знаком и объектом, организуемая через обращение к практике), конечно, требует серьезных гарантий, поэтому к ее содержанию прилагается особая форма — гипотеза интерсубъективного априори, которая никогда не может получить полностью основанное на опыте доказательство. Именно совмещение двух указанных позиций, по Пирсу, провоцирует отдельного субъекта иметь то или иное убеждение, истинность которого всегда может быть доказана «в конечном счете», т. е. в результате исследования, которое, в терминах Пирса, «продолжалось бы достаточно долго».

Таким образом, несколько опережая рассмотрение как упомянутой априорной интерсубъективной гипотезы, так и самих категорий, можно отметить, что Пирс говорит об общем для всех принимающих участие в разговоре качественном элементе, на допущении которого, собственно, держится сам разговор, но который вместе с тем имеет неочевидный характер и только проявляет себя, *репрезентируется* как таковой. Связь между внутренним и внешним репрезентируется как обращенность к будущему опыту, который — и это важно для понимания кантианских корней семиотики — *воображается* как таковой.

В этой связи не менее важными оказываются объяснения, которые Пирс дает по поводу того, что такое закон. В соответствии с его определением

...никакое собрание фактов не может конституировать закон, ибо закон существует помимо совершившихся фактов и определяет, как факты, которые *могли бы*, но *все* из которых никогда не будут иметь место, должны быть охарактеризованы.⁷

Закон, определяющий «представление» (*re-presentation*, «дважды наличное»), вводит некоторые общие качественные характеристики по аналогии с внутренней связью, которая, в свою очередь, позволяет говорить лишь о «простом наличии» (*mere presence*), а внутренняя связь ссылается на закон. В результате получается, что внутренняя связь, образующая суждение восприятия, и внешняя связь, формирующая моральное суждение, оказываются двумя предельными случаями интерсубъективного договора.

⁷ CP 1.420.

Таким образом, по Пирсу, знак как учреждающее действие может быть описан «изнутри», так что само рассмотрение и классификация событий, являющихся результатами этого действия, получают жесткий онтологический ориентир и должны отныне соблюдать определенные обязательства. При этом, конечно, прежде чем возводить семиотику в статус онтологии, требуется предпринять тщательное сравнительное рассмотрение категорий Пирса, а также таких понятий его семиотики, как «знак» и «объект», которые существенным образом отличаются от означающего и означаемого Соссюра.

Как бы то ни было, семиотика и семиология, несмотря на все существующие между ними различия, обнаруживают также и ряд общих теоретических источников. В частности, не лишен интереса тот факт, что, различая в своей теории два типа связей, формирующих целое знаковой структуры, Соссюр, как и Пирс, заимствует идею Адама Смита о существовании двух видов стоимости — конкретной (или потребительной) и меновой.⁸ Тот же терминологический аппарат использует в «Капитале» Карл Маркс при анализе двух способов явления товара: как натуральной формы и как формы стоимости. Более того, критика, которой подвергается концепция Смита в 4-й главе первого тома «Капитала» («Превращение денег в капитал»), как формально, так и содержательно во многом совпадает с позицией Пирса по отношению к концепции языка у Соссюра. Рассмотрение этой параллели, однако, требует отдельного разбирательства и выходит за рамки непосредственного интереса нашего анализа.

СЕМИОТИКА И ГЛОССЕМАТИКА

В соссюровской семиологии, так же как и в семиотике Пирса, фундаментальный закон репрезентации исполняется через посредство индивидуального сознания, но не имманентен ему. Казалось бы, эта особенность объединяет обе модели. Тем не менее семиологию помещают в оппозицию по отношению к семиотике, что связано, конечно же, с различием в понимании природы языка: как закрытой системы, позволяющей только

⁸ Подробнее об этом см.: *Coseriu E. Adam Smit und die Anfänge der Schprachtypologie. Festschrift zum 60 Geburtstag von Hans Marchand. The Hague, 1968.*

внешнее описание и выполняющей функцию общего принципа, — у Соссюра и как зависимой части онтологической структуры, имеющей открытый характер, — у Пирса.

Здесь удобно выбрать пояснение от противного, сосредоточившись на тех теоретических разногласиях, которые в свое время возникли в самом лагере структуралистов. И наиболее важным и значимым поясняющим моментом будет та позиция, которую относительно положений, высказанных в «Курсе общей лингвистики» Соссюра, занимает глоссематика Л. Ельмслева.

Ельмслев настаивает на необходимости различать: во-первых, *язык* (схему, или чистую структуру, где каждый элемент дан как пучок различий, т. е. определяется чисто негативно); во-вторых, *норму*, определяющую язык как материальную форму, где каждая единица представляет собой набор противопоставленных друг другу позитивных характеристик; и в-третьих, *узус*, объединяющий всю совокупность позитивных свойств единицы, которые могут варьироваться только в пределах определения, носящего также чисто позитивный характер.

Далее, интерпретируя известное положение Соссюра, Ельмслев вводит различие знакового процесса (включающего сложные знаки, число которых всегда может быть продолжено в бесконечность) и знаковой системы (совокупности предельно простых знаков или сущностей, число которых конечно). Здесь, сохраняя понятия знаковой системы и знакового процесса, необходимо сделать две важные оговорки. Во-первых, как мы уже отмечали, само понятие знака в случае с Пирсом будет сильно изменено. Во-вторых, для нас оказывается очевидно избыточной (хотя как раз именно в силу этой избыточности чрезвычайно показательной) единица, которую Ельмслев называет «фигурой». Данная единица косвенным образом отсылает к понятию двойного членения, которое в свое время было введено в оборот А. Мартине⁹ и на котором теперь следует кратко остановиться.

Понятие двойного членения является выражением так называемого принципа экономии языка, суть которого в том, что всякое языковое выражение регулируется особым рода внутренними экономическими отношениями, обеспечиваемыми за счет взаимодействия двух типов

⁹ Мартине А. Основы общей лингвистики // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1963. Вып. 3.

единиц. Первый тип составляют те единицы, которые обладают собственным значением, второй тип — те, что не обладают таковым, но при этом позволяют различать единицы первого типа. Единицы первого типа называются морфемами, второго — фонемами.

Ельмслев, однако, не считает фонему самостоятельным элементом. Это связано с тем, что, дополняя и интерпретируя теорию Соссюра, он ставит ему в упрек предположение о существовании неких неопределенных доязыковых фактов — субстанций звуковой и мыслительной природы, которые лишены какой бы то ни было устойчивости. Вместо этого он предлагает более продуктивное различие «плана содержания» и «плана выражения». Как содержание, так и выражение должны обладать собственными формами. Эти формы обнаруживают процессуальную взаимозависимость (или «солидарность», в терминах Ельмслева), объединяясь в так называемой знаковой функции. Фонема, таким образом, оказывается близка по своему значению к предельно простой форме выражения, которая не существует без соответствующей ей формы содержания. Элементарные формы выражения и содержания составляют элементарное единство, или фигуру. Это, несомненно, позволяет Ельмслеvu более глубоко, нежели это удалось Соссюру, проникнуть в структуру самого языкового знака. Акустическая и понятийная материи не подвергаются здесь некоей таинственной трансформации в знак, а получают надлежащие той и другой форме соответствия, каждая из которых по особым правилам синхронизируется с другой посредством знаковой функции. Осуществление подобного рода синхронизации приводит к образованию схемы, под которой Ельмслев и понимает язык, выражающий себя в естественно-языковых знаках.

Фигуры, по Ельмслеvu, включены в язык и выполняют в нем определенную работу, не являясь знаками. Подобно тому как фонемы служат для различения элементов, обладающих значением, фигуры служат для различения как сложных, так и простых знаков и, подобно предельно простым знакам и в отличие от сложных, ограничены числом. Понятие фигуры, т. е. элементарного единства, или «не-знака», дополняет понятия системы и процесса и придает теории Ельмслева заверченный вид, помогая ему сделать вывод о том, что «языки не могут описываться как чисто знаковые системы».¹⁰ Отталкиваясь от теории Пирса, но в целом

¹⁰ *Ельмслев Л.* Прологомены к теории языка. С. 172.

сохраняя ход мысли Ельмслева, мы вынуждены отказаться от учета возможности элементов, не являющихся знаками,¹¹ тем самым как бы переворачивая вывод, сделанный последним автором. Теперь он звучит следующим образом: описание знаковых систем выходит за рамки описания языка, или языков.

Данное положение не является новостью и может показаться самоочевидным, однако теперь оно, по крайней мере, может получить нетривиальное теоретическое основание. Ведь теория Пирса, как показывает исследование, дает возможность вывести уже упомянутый нередуцируемый остаток (который как раз и получает частичное определение в теории Ельмслева в качестве «не-знака») из области определения языка. В дальнейшем мы увидим, что прагматическая семиотика Пирса не ограничивается онтическими аспектами знака, но рассматривает таковой как основополагающую онтологическую категорию: указанное выведение производится таким образом, что оно превращает этот языковой остаток (и далее мы попробуем это показать) из неопределенного факта языка в особого рода общий — как для феномена, так и для выраженного в языке суждения — онтологический источник.

ВООБРАЖЕНИЕ И ЗНАК

В семиотике Пирса кратко описанное выше на примере теории Ельмслева схематизирующее действие воспроизводится в обратном порядке. Знак, по Пирсу, не создается через синхронизацию плана выражения и плана содержания, но является учреждающим моментом синхронизации форм интеллектуального и чувственного, т. е. *создает саму схему*. Учитывая это, можно предварительно заключить, что роль знака здесь сопоставима с ролью воображения в том виде, в котором его действие описано во второй редакции «Критики чистого разума» Канта. Однако такой предварительный вывод требует некоторых кратких пояснений.

До Канта воображение рассматривалось в философии в основном лишь как эмпирическая способность представления, отличающаяся от

¹¹ Тот же пансемиотический принцип, о котором еще будет идти речь, заставит нас отказаться также и от понятия кода.